

Балдицына Елена Ивановна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и естественно-научных дисциплин
Ставропольского института кооперации (филиала)
Белгородского университета кооперации,
экономики и права

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ЗАЛОГ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Аннотация:

В статье с использованием персоналистского подхода, в контексте которого личность понимается в качестве активного начала общественной жизни, показано значение исторической памяти народа для стабильного развития социума, обеспечаемого преемственностью общественного сознания как субъективно-объективного феномена, представляющего собой результирующую множества личностных сознаний из прошлого, настоящего и даже будущего, вполне объективно влияющую на составляющие общество конкретные личности. Личность при таком понимании не только целиком включается в процесс познания окружающего ее мира, но и преобразует его, изменяет в соответствии со своими представлениями; в процессе исторического развития формирует социальные институты и совершенствует их, причем направленность общественного развития и его результаты обуславливаются целями, смыслами и ценностями, определяемыми в ее сознании. Утверждается, что формирование в общественном сознании позитивного, но при этом не идеализированного образа прошлого позволяет обществу, учитывая уроки истории, понимать свое настоящее и прогнозировать будущее.

Ключевые слова:

личность, персонализм, социально-исторический процесс, историческая память, общественное сознание, субъективно-объективный феномен, преемственность общественного сознания, стабильное развитие.

Balditsyna Elena Ivanovna

D.Phil., Professor,
Department of Humanities and Natural Sciences,
Stavropol Institute of Cooperation (Branch),
Belgorod University of
Cooperation, Economics and Law

THE HISTORICAL MEMORY OF THE PERSONALITY AS A GUARANTEE OF A STABLE SOCIETY

Summary:

The research is based on a personalistic approach, according to which a person is understood as an active principle of social life. The importance of the people's historical memory to the stable development of the society is demonstrated. It is ensured by the continuity of public consciousness. Public consciousness is a subjective-objective phenomenon, which is the resultant set of personal consciousness from the past, present and even the future. It quite objectively influences the individuals that make up society. With this understanding, personality is not only included in the process of cognition of the world around it but also transforms it. It changes the world in accordance with its ideas. In the process of historical development, it creates social institutions and improves them. The trend in social development and its results are subject to the goals, meanings and values determined in the mind of the personality. The author affirms that building a positive and not an idealized image of the past in the public consciousness allows society to take into account the lessons of history, understand its present and predict the future.

Keywords:

personality, personalism, social and historical process, historical memory, public consciousness, subjective-objective phenomenon, continuity of public consciousness, stable development.

Нет человека вне истории, но история
реальна только в человеке [1, с. 7].

С.С. Аверинцев

Современное духовное производство не может быть обособлено от личности с ее напряженной внутренней душевной жизнью. Но и душевная жизнь не может быть автономной от социальных процессов, структур и институтов, поскольку она представляет собой живое отношение личности к окружающей ее действительности. «Будучи таким живым отношением направленности на объективное бытие, – писал С.Л. Франк, – конкретная душевная жизнь поэтому неразрывно слита с открывающимися ей в этой направленности предметными содержаниями, и лишь с помощью как бы насильственной абстракции мы могли доселе игнорировать эту теснейшую, неразрывную связь и рассматривать душевную жизнь как самодовлеющую, обособленную от всего иного внутреннюю стихию» [2, с. 137]. Сам механизм вовлечения окружающего мира в личностную интерпретацию его событий и процессов предполагает такую органическую взаимосвязь внешнего и внутреннего.

Личность не только целиком включается в процесс познания окружающего ее мира, но и преобразует его, изменяет в соответствии со своими представлениями, в процессе исторического раз-

вития формирует социальные институты и совершенствует их, причем направленность общественного развития и его результаты обуславливаются целями, смыслами и ценностями, определяемыми в ее сознании. В словарной статье дореволюционной энциклопедии Брокгауза и Ефрона В.С. Соловьев писал: «Началом прогресса от низших форм общественности к высшим является Л. в силу присущего ей неограниченного стремления к большему и лучшему. Л. в истории есть начало движения (динамический элемент), тогда как данная общественная среда представляет консервативную (статическую) сторону человеческой жизни» [3, с. 245]. Речь здесь идет, конечно, не об отдельной и обособленной личности, а об их совокупности, не ограниченной временным интервалом и включающей в себя ряд взаимосвязанных традиций поколений из прошлого, настоящего и даже будущего, поскольку формируемый в общественном сознании (которое может быть понимаемо в качестве субъективно-объективного феномена, возникающего как некоторая результирующая множества субъективных сознаний, начинающая вполне объективно влиять на мысли и действия отдельных личностей и коллективов) образ желаемого для потомков состояния может вполне ощутимо воздействовать на события и процессы современности. Исходя именно из таких персоналистских установок русский философ и мог утверждать, что «общество есть дополненная, или расширенная, личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество» [4, с. 285–286].

В наши дни взаимоотношение «личность – общество» кардинально изменилось, что обуславливается прежде всего если не «распадением», то нарушением «связи времен» (У. Шекспир «Гамлет»), все более решительным отказом человечества от традиционных форм и методов общения. Особое значение для понимания ситуации, в которой оказалась личность в условиях современности, представляет модель современного понимания времени, разработанная Ю. Хабермасом: настоящее в процессе современного ощущения времени обращено к будущему, а будущее опрокинуто в прошлое [5]. Эта модель дает представление о том, насколько значимым для личности является ее историческое сознание: образы прошлого создают основу для понимания как настоящего, так и будущего. Если же «связь времен» нарушается, то и настоящее становится непонятным для личности, значит, некомфортным и угрожающим ей, при этом будущее кажется непрогнозируемым и тоже устрашающим.

Отсутствие положительных интерпретаций прошлого в сознании множества личностей нарушает преемственность общественного сознания, позволяющую обществу в процессе социально-исторического развития сохранять свою целостность, «невозможную без обеспечиваемой традициями трансляции от поколения к поколению аксиологических, семантических и телеологических мировоззренческих элементов» [6, с. 50]. Преемственность общественного сознания обуславливает историчность общества как «нечто постоянное в своем возобновлении. Смысл, который онтологически основан в “бытии к концу” (термин из системы фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. – Е. Б.), поддерживает это постоянство возобновления» [7, с. 116]. Отсутствие исторического смысла в общественной жизни с необходимостью приводит и к обесмысливанию личной жизни.

Сегодня российские власти обратили внимание на чрезвычайную важность для жизнедеятельности личности и общества формирования и развития в общественном сознании исторической памяти и проводят активную деятельность в этом направлении. Но совсем недавно положение было прямо противоположным: образы прошлого сознательно очернялись в общественном сознании всего российского народа посредством пропаганды, что продолжалось в течение целого столетия. На протяжении всего XX в. российское общество шагло за шагом уничтожало позитивные образы прошлого, делая это избирательно, в угоду политической конъюнктуры. Так, в период после революции 1917 г. и захвата власти большевиками дискредитации подвергся «царизм». Тысячелетний общественно-исторический опыт государственного строительства и социальной жизни представлялся как единый и непрерывный процесс угнетения, насилия, совершаемых в особо уродливых по сравнению с «цивилизованной» Европой формах. Этот миф родился еще до советской власти – его авторы являлись исполнителями политического заказа со стороны ряда правительств европейских стран, активно использовавших мифотворчество и другие сходные технологии для достижения геополитических целей. Он был подхвачен и «внутренней оппозицией», вестернизированной элитой, возникшей в результате реформ XVIII–XIX вв. и оказавшейся под сильным идейным и интеллектуальным влиянием Запада. На исходе XX в. снова наступило время для самоуничтожения российского народа, отрицавшего свое, уже советское прошлое и представлявшего его только в негативных тонах. Сегодня, похоже, активное совсем недавно антисоветское мифотворчество оборачивается если не восхвалением действительно имевшего место тогда произвола властей, то признанием его исторической необходимости; время же либеральных реформ отображается в общественном сознании при действенном участии средств массовой информации преимущественно в негативных тонах. Видимо, можно констатировать, что за прошедшее столетие отрицание своего прошлого уже стало одной из устойчивых характеристик отечественного менталитета. Вся эта отрицательная мифология далеко не безобидна, она превращает восприятие личностью окружающего ее социального мира в эмоционально окрашенный процесс неприятия дей-

ствительности, ведь если человеку долго и упорно твердить, что социальный строй с его структурами и институтами не соответствует системе ценностей, то он начинает ощущать себя насильственно в него включенным, воспринимать общество как чуждую и враждебную стихию, изменить которую он не в силах, а может только адаптироваться к ней.

В.В. Биbihин писал, что личность не является для общества исходной данностью, «она находит себя где-то на пересечении сложных структур». Ценность личности проявляется тогда, когда она более или менее полно входит в эти структуры: «Она подпитывает себя за счет задач культуры, или социалистического строительства, или просто государственного строительства, или перестройки, или Бога, или какого-нибудь Его производного, скажем ноосферы или еще чего-либо крупного, например соборности, если известно, что это такое, лишь бы сохранялась возможность вписаться в сложную сеть государственных, научных, академических, экономических, «информационных», церковных или околоцерковных институтов и т. д.» [8, с. 22–23]. Личность в качестве не данности, но заданности, с одной стороны, формирует себя входением в определенные социальные структуры, однако, с другой – может и модифицировать их, в особенности это относится к конкретной множественности личностей, составляющих в совокупности общество. Поэтому социальные теории, описывающие личность в пассивном ее аспекте, как продукт социализации и не учитывающие ее активности, способности влиять на условия своего существования и изменять их, являются односторонними. Как справедливо подчеркивал Н.А. Бердяев, «нужно оставить совершенно ложную идею второй половины XIX в., что человек есть создание социальной среды. Наоборот, социальная среда есть создание человека. Это не значит, что социальная среда не действует на человека, она очень действует. Но рабья социальная среда, поработавшая человека, есть порождение рабьего состояния человека, рабьих душ» [9, с. 447]. Надо полагать, что состояние человека, внутренне направленного к своему освобождению, соответствующим образом будет изменять и социальную среду. Будучи активным началом (по В.С. Соловьеву – динамическим элементом), личность, разумеется, не может изменить общественную среду как консервативную, статическую сторону человеческой жизни в соответствии со всеми своими желаниями, однако она вполне способна постепенно модифицировать условия своего существования, исходя из собственных представлений о должном состоянии общества. Но для того чтобы эти представления были реальными, а не иллюзорными или фантастическими, их необходимо соотносить с образами как будущего, так и прошлого, между которыми не должно быть разрывов.

Таким образом, историческая память народа может стать влиятельной когнитивной силой процесса общественного развития, одновременно с этим не переставая являться залогом и фактором обеспечения стабильности социума, однако для этого следует избегать и идеализации прошлого, сохраняя критическое отношение к нему, что значит – извлекать из прошлого уроки, уметь разделять в нем «зерна и плевелы», положительные и отрицательные моменты, а также сохранять в настоящем его позитивный опыт, избавляясь от негативного.

Ссылки:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. 342 с.
2. Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997. 480 с.
3. Соловьев В.С. Личность // Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д., 1997. С. 245–247.
4. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 47–548.
5. Habermas J. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus. Frankfurt am Main, 1976. 346 S.
6. Лагунов А.А., Ходорко А.В. Мировоззренческие традиции как фактор обеспечения преемственности этнического сознания // Этнические проблемы современности : сб. науч. тр. Вып. 22. Ставрополь, 2017. С. 49–56.
7. Глазков А.П. Эсхатологическая историософия и ее онто-феноменологическое измерение : монография. М., 2015. 216 с.
8. Биbihин В.В. Узнай себя. СПб., 1998. 577 с.
9. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. Сочинения. М. ; Харьков, 2003. С. 341–500.

References:

- Averintsev, SS 1997, *The poetics of early Byzantine literature*, Moscow, 342 p., (in Russian).
Berdyayev, NA 2003, 'The existential dialectic of the divine and human', *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo. Sochineniya*, Moscow, Kharkov, pp. 341-500, (in Russian).
Bibikhin, VV 1998, *Know yourself*, St. Petersburg, 577 p., (in Russian).
Frank, SL 1997, *Reality and man*, Moscow, 480 p., (in Russian).
Glazkov, AP 2015, *Eschatological historical philosophy and its onto-phenomenological dimension*, monograph, Moscow, 216 p., (in Russian).
Habermas, J 1976, *Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus*, Frankfurt am Main, 346 S., (in German).
Lagunov, AA & Khodorko, AV 2017, 'Worldview traditions as a factor of the continuity of ethnic consciousness', *Etnicheskiye problemy sovremennosti: sb. nauch. tr.*, iss. 22, Stavropol, pp. 49-56, (in Russian).
Soloviev, VS 1990, *Justification of the good. Moral philosophy*, compositions, in 2 vols., vol. 1, Moscow, pp. 47-548, (in Russian).
Soloviev, VS 1997, 'Personality', *Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'yeva*, Rostov-on-Don, pp. 245-247, (in Russian).